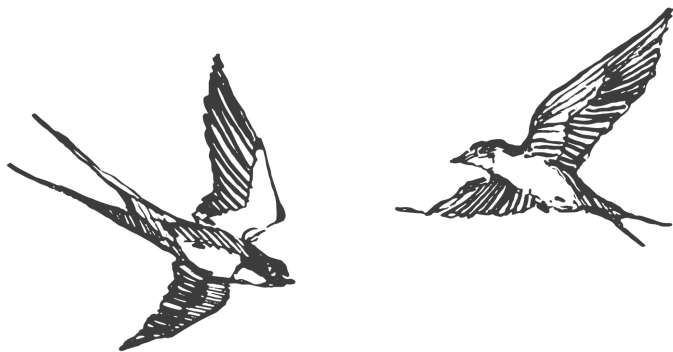

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	3
Глава вторая	25
Глава третья	53
Глава четвертая	79
Глава пятая	103
Глава шестая	124
Глава седьмая	149
Глава восьмая	173
Глава девятая	196
Глава десятая	216
Глава одиннадцатая	242
Глава двенадцатая	271
Глава тринадцатая	289
Эпилог	315

Глава первая

— Мама, ну почему я?! Я ее даже не знаю!

— Что значит — не знаю?! Настасья Капитоновна тебя в младенчестве на руках качала! Попу тебе вытирала!

— Мама! — взывала Ульяна.

— Не мамкай! — строго отрезала Екатерина Дмитриевна. — Ты же сама мне рассказывала, что с работы уволилась, что на новое место у тебя собеседование только после праздников. И что особых планов на Новый год у тебя нет.

— И поэтому ты всё решила и распланировала за меня — где и как мне встречать Новый год.

В разговоре матери и дочери наступила пауза.

— Хорошо, — вздохнула мама. — Извини, Улюшка. Ты права. Я просто не сомневалась, что... Настасья Капитоновна — единственная из оставшихся в живых старших родственников, и я обычно всегда сама к ней приезжала, ты же знаешь. Но в этом году так получилось, что мы с Кон-

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

стантином... Ему дали путевку в санаторий как раз на Новый год и... Ладно, я позвоню Настасье Капитоновне и постараюсь ей все объяснить. Извини, Уля, я была не права.

Мама так редко признавала свою неправоту, что это произвело на Ульяну совершенно ошеломительное впечатление.

— Ладно, мам, я съезжу. У меня и в самом деле нет никаких особых планов на этот Новый год.

— Ой, Уля, там так хорошо, — тут же затараторила мама. — Там очень красиво, там лес и вообще! Там не заброшенная деревня, а вовсе даже наоборот, у них там такие хорошие дома строят, там люди богатые живут, и даже зимой! Может быть, ты там и...

— Мама!

— Хорошо, молчу, молчу, — рассмеялась Екатерина Дмитриевна. — Я тогда Настасью Капитоновну предупрежу и адрес тебе скину.

* * *

Закончив разговор с матерью, Уля отложила телефон и подошла к зеркальной поверхности встроенного шкафа. Ну вот, опять. Она в который раз сделала так, как хотела мама. То, что это в чистом виде манипуляция, Ульяна поняла уже пару лет назад. Что с этим делать — пока не поняла. Она точно знала, что все действия матери направлены на ее, Улино, благо. Так, как это благо пони-

СЫН МАМИНОЙ ПОДРУГИ

мает мама Ульяны, Екатерина Дмитриевна Лосева. Просто у них с мамой разное понятие о благе.

Уля наклонила голову, наблюдая за своим отражением. А она сама знает, что для нее хорошо, что плохо? Вот у нее юридическое образование. Хорошее. И ей нравится ее профессия, которая кормит, и кормит вполне пристойно. Правда, с последнего места работы она ушла практически со скандалом, с угрозами довести дело до суда — только после этого с ней рассчитались, как положено. Козья оказалась контора. Правда, и опыт там она получила такой, какого у нее до этого не было. И в самом боевом настроении после увольнения замахнулась на должность в такой компании, на которые раньше и не смотрела. И отправила резюме. А оттуда — раз и позвонили. Она прошла заочное собеседование по телефону с рекрутером, потом еще одно — по видеосвязи, уже с эйчаром и с кем-то из среднего звена руководства, но Уля от волнения пропустила его имя и должность. А после Нового года ее пригласили на очное собеседование с самым главным юридическим боссом, в помощники к которому она и будет пробоваться.

Кому надо сказать за это спасибо? Маме. Именно она постоянно внушала ей мысль о важности того, чтобы хорошо учиться, о важности хорошего образования. Она к маминым словам прислушивалась. И училась, училась, училась. Как завещал сами знаете кто. Золотая медаль, крас-

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

ный диплом. В перспективе — очень хорошая должность в очень хорошей компании. Здорово же? Здорово.

Правда, с личной жизнью как-то не очень. Пока подружки-сверстницы крутили романы и бегали на свидания, она корпела над учебниками. Но не маму же в этом обвинять? Стыдно обвинять маму взрослой, почти тридцатилетней женщине. Которая женщиной, к слову сказать, стала всего три года назад. В этом тоже мама виновата?

Конечно, нет. Уля наклонила голову в другую сторону.

Вспомнилось любимое выражение бабушки: «Север маленьких не рождает». Улины корни уходили глубоко в Русский Север, куда-то под Архангельск, к поморам. Но почему-то это правило — про то, что Север маленьких не рождает, — в полной мере решило проявить себя именно в ней, в Уле. Она и жила-то уже не на Севере и только помнила смутно крепкий деревянный дом в деревне, куда ее привозили как-то раз или два в детстве, и вкус чая с брусничным листом, мёдом и клюквой, и пироги, тоже с брусникой.

А так — и мама выросла уже в городе, и сама она. И на маме правило это почему-то не сработало. А вот на ней — здравствуйте, пожалуйста.

Север помнит, мать его!

Нет, Уле досталось и кое-что, что ей в себе безоговорочно нравилось. Например, Уля была натуральной блондинкой. Не белёсой, а блондинкой

СЫН МАМИНОЙ ПОДРУГИ

с густыми, красивого пшеничного оттенка волосами. И глаза голубые к ним прилагались. А еще Уле досталось настоящее сибирское здоровье — ее не брали ни гриппы, ни простуды, и в детстве Уля даже расстраивалась — все одноклассники по несколько раз в году прогуливают занятия из-за болезни, а она, как проклятая, ходит в школу. Только став взрослой, Уля оценила, какое это преимущество. И как ей в этом повезло.

Но к здоровью прилагалась фигура, которая была весьма далека от модельных девяностошестидесят-девяносто и, что самое грустное, никогда бы, ни при каких обстоятельствах, к этим параметрам не приблизилась. Ну не рождает Север, так его растак, маленьких! А рождает девушек ростом сто семьдесят пять и весом под восемьдесят килограммов. Самое ужасное заключалось в том, что Уля совершенно не могла соблюдать никакие диеты. Она пыталась. С силой воли и упорством у Ули был полный порядок.

Но когда она прямо в туалете, встав с унитаза, хлопнулась в обморок и разбила себе лоб о дверь, мама сказала: «Хватит!» А еще мама сказала, что Уля не толстая.

— Угу, я не толстая, у меня просто кость широкая, — пробормотала Ульяна, прижимая к разбитому лбу марлевую салфетку с антисептическим раствором.

— Это называется — стать! — отрезала тогда Екатерина Дмитриевна. — Ты станешь старше

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

и поймешь, что настоящие мужчины ценят статных женщин!

Уля стала взрослой. Поняла, что мужчины ценят тонкие талии, длинные ноги и силиконовую грудь мячиком.

У Ули, в целом, грудь была тоже мячиком. Хотя тут природа не поиздевалась и, хоть и наградила Улю бюстом третьего размера — но, по крайней мере, он был круглый и упругий, этот третий размер. У Ули вообще всё было круглое и упругое. И немаленькое, потому что Север, сука, он такой. Статных женщин производит. В промышленных масштабах.

Только вот взрослая Уля так и не встретила на своем пути тех самых настоящих мужчин, про которых говорила мама. Хотя бы одного такого, способного оценить настоящую статную женщину, рожденную любителем крупных форм Церетели.

Ну и черт с ними. Зато Уля встретила людей, которые ценят ее мозги. И платят за это деньги. А это, наверное, важнее.

Уля вздохнула и пошла на кухню ставить чайник.

Двоюродная тётка матери, а для Ульяны, получается, двоюродная бабушка, Настасья Капитоновна, жила, слава богу, не на Севере. В сред-

СЫН МАМИНОЙ ПОДРУГИ

ней, среднее не бывает, полосе. И добраться до ее места жительства у Ульяны получилось безо всяких проблем: сначала на поезде, а потом на рейсовом автобусе. А там, от автобусной остановки до дома Настасьи Капитоновны примерно полкилометра, если верить навигатору в телефоне.

Машину Ульяна не водила. Попытка сдать на права была настолько неудачной, что Уля решила, что это не ее, и собственным автомобилем так и не обзавелась. Ну и ничего страшного. Прекрасно можно обойтись без собственной машины, общественный, в том числе и междугородний, транспорт замечательно ходит.

Вышеуказанный транспорт медленно подкатил к остановке и открыл двери. На остановке даже оказались люди, которые ждали этот транспорт, — человек пять. А выходила Ульяна одна.

Снег приятно поскрипывал под ногами, воздух был даже слегка морозный — на улице градусов восемь ниже нуля. А когда Ульяна отошла от трассы на пару десятков метров, оказалось, что воздух еще и очень вкусный. Чистый. Уля поправила лямки рюкзака. Сейчас она мало напоминала успешного и высокооплачиваемого юриста. Оделась Уля так, чтобы было удобно. На кого ей тут впечатление производить? На Настасью Капитоновну, которая ей в детстве попу вытирала? На Уле были теплый трикотажный костюм, состоящий из худи и штанов, удобные зимние ботинки, объемный пуховик и вязаная шапка

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

с помпоном. А в рюкзаке — несколько смен белья, пижама, косметичка, зарядное устройство, пауэрбанк, бутылочка с водой, пара зерновых батончиков. Всё, что надо для короткой загородной поездки. И еще подарок для Настасьи Капитоновны, который выдала Ульяне мама. Уля в красивый перевязанный пакет даже не заглядывала. Она и свой новогодний подарок от мамы дома оставила не распакованным. Вернется — будет приятный сюрприз. Ульяна еще раз поправила лямки рюкзака и зашагала по укатанной МорозДорСтроем дороге в направлении, которое однозначно определялось видневшимися крышами и столбиками дыма над ними.

Сколько пришлось идти — полкилометра или больше, — Уля не знала. Но она наслаждалась прогулкой. Как давно она не была за городом! И как же красиво здесь зимой. Всё такое белое. Похоже, накануне тут прошел хороший снегопад, и снег буквально искрился в лучах неяркого декабрьского солнца. И тишина. И ничего не слышно, кроме скрипа снега под твоими шагами.

Посёлок оказался большой. Где-то совсем вдалеке даже виднелся купол церкви, но, возможно, она находилась уже в соседнем населенном пункте. За городом не только воздух другой, всё другое, и в расстоянии можно запросто ошибиться.

Уля достала из кармана телефон и сверилась с картой. Так, ей до ближайшего перекрёстка, а там направо, и через четыре дома — конечный

СЫН МАМИНОЙ ПОДРУГИ

пункт ее путешествия. Усталости Ульяна не чувствовала, а вот чувство голода — да, подкралось. Сейчас бы чаю горячего с чем-нибудь вкусным. Например, с пирогами. А что, в деревне же должны печь пироги. А то зачем тогда дым из труб? В новогодние праздники нельзя думать о лишнем калориях и всем таком прочем! И Уля решительно зашагала дальше.

Дома по обеим сторонам улицы и в самом деле стояли добротные. Строения больше даже походили не на деревенские дома, а на коттеджи. Кирпич, сайдинг, спутниковые тарелки, крепкие заборы, гаражи, у которых стоят хорошие машины, в основном джипы. Похоже, мама права, тут и в самом деле... Что, жениха можно себе подыскать? Уля хмыкнула. Глупости это всё. Во-первых, она под категорию завидной невесты не подходит, а во-вторых, скорее всего, все эти мужчины уже давно имеют семьи — зачем иначе покупать такой здоровенный загородный дом?

Интересно, каким макарон тут оказалась Настасья Капитоновна? Ульяна вдруг сообразила, что смутно представляет, как выглядит ее двоюродная бабушка. Мама когда-то показывала фото с их совместных встреч Нового года — Екатерина Дмитриевна последние годы всегда ездила встречать Новый год сюда, к Настасье Капитоновне. Но Уля лишь вежливо кивала на эти фото, особо не всматриваясь. Старушка как старушка. Кажется.

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

Вот и перекрёсток, на котором надо свернуть. Если дом, который ей нужен — четвертый отсюда, то вон... получается, вон та зеленая крыша — дом Настасьи Капитоновны.

Но остановилась Уля раньше, чем дошла до зеленой крыши. Остановилась у третьего от перекрёстка дома. Потому что не притормозить было невозможно.

Сначала Ульяна среагировала на звук. Он исходил из открытых ворот у дома, который соседствовал с домом двоюродной бабушки. Шу-р-р-рх... Шур-р-рх... Шур-р-р-х... А потом Уле показалось, что кто-то поет — низким мужским голосом.

Но ей не показалось. Потому что вскоре она увидела того, кто поет. Ну, пением это было назвать сложно — так, какое-то мелодичное бубнение. Но дело было не в этом. А в том, кто издавал эти звуки.

Уля сделала шаг назад, еще один — так ей было лучше видно.

Звуки «Шур-р-р-х... Шур-р-рх... Шур-р-рх» издавала лопата. За воротами во дворе человек — наверное, хозяин дома — чистил снег, раскидывая его лопатой. В общем-то, нормальное, наверное, занятие, обыденное даже для тех, кто живет в своем загородном доме зимой. Если бы не одно «но».

Уля полезла в карман и снова достала телефон. Ну да, так и есть. За то время, что она не проверя-

СЫН МАМИНОЙ ПОДРУГИ

ла телефон, не наступило внезапно лето. На улице по-прежнему минус восемь. А в десятке метров от нее чистил снег, ловко орудуя лопатой, человек, одетый только лишь в трусы.

Уля несколько раз моргнула, будто пытаюсь таким образом сделать эту картинку какой-то... какой-то более реальной. Но картинка не менялась. Только снега во дворе становилось всё меньше, а сугробы по периметру — всё больше.

Ради справедливости стоило отметить, что помимо трусов в красно-белую полоску на мужчине были высокие и не зашнурованные ботинки и... красно-белый колпак Санта-Клауса.

Уля тряхнула головой. Это вот... это вот как?!

И тут наконец мужчина с лопатой решил освоить новый фронт работ и повернулся к Уле лицом. Снял колпак, вытер им лоб, снова надел, перехватил лопату под мышку и направился к Ульяне. Она машинально отступила на пару шагов. Люди, которые в минус восемь чистят снег в одних только полосатых трусах, не внушали ей доверия.

— Здравствуйте, — произнес незнакомец как ни в чем не бывало, опершись на черенок лопаты и широко расставив ноги. От его плеч поднимался едва заметный пар. Уля вдруг осознала, что этот Санта-Клаус-нудист — мужчина очень крепкого телосложения. Широкие плечи, мощная грудная клетка, крепкие бедра. И руки тоже могучие.

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

— Вам не холодно? — выпалила Уля то, что ее сейчас занимало больше всего.

— Не, — улыбнулся он. У незнакомца оказались удивительно красивая улыбка и приятный низкий голос. Зачем подобным странным людям такие бонусы во внешности? — Я баню топлю. Ну и заодно решил снег почистить, нас вчера присыпало хорошенько. Ворота специально открыл, чтобы вас не пропустить.

— А? — маловразумительно отозвалась Уля.

— Ну, вы же Ульяна? Внучка Настасьи Капитоновны? — Он для наглядности мотнул головой в сторону соседнего дома.

— Да.

— Ну вот, — удовлетворенно кивнул он, будто это всё объясняло. — А что мы на улице стоим? Вы же, наверное, замерзли. Проходите в дом! — И он махнул рукой в сторону добротного кирпичного дома — один этаж и мансарда.

Ну да, это Уля замерзла. В зимних ботинках, пуховике и шапке. А не человек в одних только полосатых трусах. Может, это их местный... ну, сумасшедший? Или он этот... как там их... морж?

— Проходите, проходите. — Незнакомец воткнул лопату в сугроб. — Дверь открыта. А я сейчас дров в баню подкину — и тоже приду.

Он и в самом деле направился к отдельно стоящему деревянному сруб. А Уля стояла и смотрела ему вслед, на то, как при ходьбе перекаты-

СЫН МАМИНОЙ ПОДРУГИ

вались аппетитные ягодицы в красно-белых полосатых трусах.

Он обернулся и замахал ей рукой.

— Идите, Ульяна, идите. Я сейчас. — И потом добавил: — Меня Захар зовут.

Любопытно, почему ей никто не сказал, что у бабушки Настасьи Капитоновны в соседях значится какой-то очень подозрительный, мягко говоря, тип по имени Захар?

* * *

Кем бы он ни был, этот Захар, а дом у него оказался очень приятный. Ульяна сама страшно любила именно такие интерьеры — дизайнеры их, как правило, называют скандинавскими. Светло, просторно, дерево, чуть-чуть камня, например, в гостиной был камин. И чуточку хайтека — куда без него в наше время?

Ульяна сняла ботинки и пошла по светлому полу. Это, похоже, не ламинат, а настоящее дерево, крытое лаком. Ногам было очень приятно. Уля пошевелила пальцами в носках, поставила рюкзак на стоящий у стены между большими окнами диван.

Она расстегивала пуховик, когда стукнула входная дверь.

— Ну что вы, Ульяна, как не родная. Раздевайтесь, располагайтесь, не стесняйтесь!

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

У нее с плеч потянули пуховик, и Уле пришлось выпустить пальцы из пальцев. Она обернулась. Завладевший ее пуховиком хозяин дома уже пристраивал одежду на вешалку. И сам он, слава богу, оделся. На нем были серые трикотажные штаны с широкой резинкой на щиколотках и темно-зеленая футболка. Выглядел вполне прилично. Но Уля пока не могла изгнать из своей памяти мужскую фигуру в полосатых трусах и с лопатой в руках.

— Давайте шапку. — Захар протянул руку. — Сейчас будем чай пить. Или, может, пообедаем? Вы не голодная?

Уля сняла шапку, вместе с которой снялась и резинка для волос. Волосы вольно рассыпались по плечам.

— А где моя... в смысле... бабушка... Настасья Капитоновна? — задала Уля самый очевидный в данной ситуации вопрос.

— Я ее в церковь отвез. — Захар забрал у нее и шапку. — На службу. А потом она еще собиралась в наш Дом культуры. У них там сегодня отчетное выступление.

— Чего?! — Ульяна вытаращилась на Захара.

— Настасья Капитоновна в хоре поет, — как о чем-то совершенно обыкновенном сообщил ей Захар. — У них сегодня отчетный концерт хора. Аншлаг.

Уля не могла понять: он это серьезно? Или издевается?